

Александр НЕВЗОРОВ: Я бы Милонова...

СОЗДАТЕЛЬ «600 СЕКУНД» — О РОДИНЕ, ПРИНЦИПАХ И КОРЫСТИ

Первое, что меня поразило, когда я вошла в студию скандального репортера, создателя нашумевших «600 секунд» и любителя всевозможных провокаций Александра Невзорова, — старинные ворота, рыцарские доспехи и огромный, во всю стену, портрет молодого Наполеона на Аркольском мосту (точно такой же, кстати, кисти Жана-Антуана Гро, есть в собрании Эрмитажа). Сам же Александр Глебович словно работал на конвейере: курил трубочку и принимал интервьюеров, сменявших друг друга каждые полчаса, и совсем не старался поразить. Хотя мог бы и ошеломить, если бы давал интервью, допустим, в рыцарских доспехах...

«Можете подойти поближе — посмотреть на картину, — перехватил мой взгляд Невзоров и объяснил: — У нас тут работали молдаване, они и приклеили холст к стене. Когда это выяснилось, было уже поздно что-либо предпринимать. Но есть вариант: закрасить Наполеона, хотя все-таки жаль. Это хорошая подделка»...

— Вы бонапартист? — посочувствовала я.

— Я? — изумился моему вопросу Александр Глебович и стал набивать трубку табаком. — Я не могу быть бонапартистом, потому что Наполеон был такой редкостный... дурак.

— ???

— ...это же надо было, выиграв все сражения 1812 года — Бородинское, на Березине, под Красным — и разгромив эту русскую армию к чертовой матери, ухитриться проиграть войну! А если мы почитаем его письма к Жозефине, то убедимся, что он, к сожалению, просто был болваном. Правда, милым болваном... У меня вообще нет кумиров среди так называемых исторических персонажей.

— И не было?

— Ну, может, и были по молодости, по глупости, пока я не понял, что история — на 99% довольно примитивный миф, к тому же еще многократно отрыгнутый и снова пережеванный.

— Не будем трогать историю... Лучше спрошу вот о чем: раз в год вы устраиваете творческий вечер — зачем?

— Друг мой, мне позвонили и предложили провести вечер. И я согласился — мне это не сложно.

— Соскучились по популярности?

— Нет. Исключительная корысть. Больше мною ничего не руководит.

— Уже месяц на Невском висят постеры, в метро — плакаты с вашим портретом, на которых у вас такой взгляд, будто спрашиваете у пассажиров: «А ты записался ко мне на вечер?» Что нового хотите сказать людям?

— Скорей всего не то, что они хотят услышать. Я ведь никогда не прикидывался хорошим. Я очень плохой, я безнравственный. У меня нет никаких моральных критериев. Я — наемник. И, как у каждого хорошего танка, башня у меня вертится во все стороны...

— ...и иногда сносит?

— Ну конечно (попыхивает трубочкой). Но сейчас такая забавная ситуация, когда нынешние либералы, прогрессивная интеллигенция вопят о свободе слова и тем самым оплакивают свое право закрывать телевидение, газеты. Они думают, что делали бы

это лучше, и возмущаются, что теперь вместо них это делают какие-то кошмарные черносотенцы. Я уже приводил этот пример, когда долго пытались канонизировать почтеннейшего Немцова и долго рассказывали, каким он был светочем чести, свободы и правды. А я помню, когда он не только закрывал меня (я бы спокойно это перетерпел), но за какой-то невинный сюжетец об их мероприятии с Хакамадой был целиком закрыт Пятый канал без права вещания в эфире. И все те любители свободы слова, которые сейчас орут про государственную подлую цензуру — она, дескать, душит здесь все, — были подписантами тех писем, которые, например, направлялись в правительство, чтобы меня каким-то образом придушить. Поэтому не верьте ни тем, ни другим: омерзительны и те, и другие.

— А вас это разве не раззадорило?

— Я уже взрослый. Поймите, я не увлечен политикой. И меня меньше всего волнует будущее этой страны — говорю со всей откровенностью: я его вообще не вижу. Но подобного рода творческие вечера мне помогают формулировать какие-то вещи. К тому же публицистика такая интересная вещь: ты обязан быть понятным, ведь просто наводит терминологический туман, умничать и рассуждать правильно, но непонятно — невелика заслуга. А когда я выступаю в большом зале, то могу наблюдать изменение температуры интереса — его понижение, повышение. А это ценная вещь. Потому что у меня аудитория постоянная и очень специфическая, учитывающая мою идеологию. Ведь я учу искусству... оскорблять.

— И многих уже научили?

— Ну как вам сказать: пока учу инсинуациям, мастерству клеветы.

— Есть талантливые ученики?

— Сложно сказать: я ведь учу известных и очень богатых, к сожалению, людей, которые поручают выполнение домашних заданий своим бесконечным референтам и секретарям.

— Фамилии можете назвать?

— Нет.

— Ну, хотя бы скажите: среди них нет самого главного по стране?

— Нет. Сразу видно, что не моя школа. Но там есть другие всякие разные, параллельные...

— Александр Глебович, вы меня заинтриговали: может, подскажите пару правил из искусства клеветы?

— Это невозможно! Ведь искусство клеветы — серьезная дисциплина: ее может выработать и сформулировать за многие десятки лет эфирных баталий человек, которого персонально запрещено допускать в эфир с участием представителей Русской православной церкви. РПЦ вынуждена была даже принимать отдельное постановление о том, что не может быть никакого диалога с таким, как я. Это, между прочим, впервые в христианстве — даже с Лютером беседовали, уж не говорю о тех, кто помельче. Кстати, недавно на «Мартовских диалогах» в Библиотеке имени Маяковского, которые меня поразили накалом, интересом, многолюдностью, неформальностью, страстностью, я же хотел дискутировать с Андреем Кураевым...

— ...а пришлось встречаться с Сергеем Пархоменко...

— Так Кураев отказался! Вероятно, решил, что у него не много шансов в разговоре со мной. Честно говоря, с ним мне было бы тяжелее, чем с любым другим, потому что он мне симпатичен. А я очень не люблю дискутировать с симпатичными мне людьми, потому что так или иначе обязан их щадить в силу того, что они не заслужили издевательств над собой.

— А Виталий Милонов, судя по тому, как вы подставили его в телеэфире, вам не симпатичен?

— Да, я подставил его, но на самом деле он мне симпатичен. Мне все симпатичны. Я считаю, что Милонова вообще надо канонизировать и обязать его ходить в нимбе, только во время сна или посещения клозета раз-

— Я ведь никогда не прикидывался хорошим. Я очень плохой, я безнравственный. У меня нет никаких моральных критериев. Я — наемник. И, как у каждого хорошего танка, башня у меня вертится во все стороны...

решить ему этот нимб снимать. Думаю, надо при ЗакСе ввести должность помощника — того, кто будет полировать нимб, украшать его самоцветами, следить, чтобы Милонов на заседаниях сидел только в нимбе.

— Александр Глебович, вернемся к заинтересовавшему меня искусству провокаций, инсинуаций, клеветы. Учебник у вас есть?

— Нет. Гораздо выгоднее заниматься частной лекционной деятельностью, чем писать учебники. Я даже не смогу его никогда издать, потому что по договорам с моими учениками все, что я написал, что является содержанием лекций, — это их интеллектуальная собственность. То есть если я захочу собственную фразочку взять в свою статью, то я должен звонить и спрашивать разрешения.

— Как вас связали!

— Это деловой подход.

— И еще хочу уточнить: вы сказали, что у нашей страны нет будущего. А у какой страны оно есть?

— У страны, которая движется в векторе развития, а не деградации.

— Вы прямо как писатель Проханов заговорили...

— Проханов — любопытный персонаж, очень талантливый и симпатичный, во многом обаятельный. Но поймите: Проханов — это такая королева Гертруда, которая спала с одним королем, а потом с тем, кто его убил, — лишь бы спать с королем. Проханов не может без взаимодействия с властью. Он был патриотом СССР, Россия отравила Советский Союз на тот свет, и Проханов медленно становится патриотом России, у него есть инстинкт безудержного патриотизма.

— Подождите-подождите, когда распался СССР, то вы тоже были не в восторге...

— Да, я был активным гэкачепистом, в моей жизни были рижский и вильнюсский ОМОНЫ, движение «Наши» и т. д., но моя родина закончилась в 1991 году.

— И теперь вы человек мира — можете жить где угодно?

— Конечно. Говорю же: у меня нет родины, и Россия ничего не сделала, чтобы заслужить мое уважение за эти двадцать три года.

— Но, судя по всему, Владимир Путин вам импонирует, раз вы стали его доверенным лицом на президентских выборах...

— О, это из области личного: я стал доверенным лицом и только. Я не пошел дальше. Одно дело было помочь тому, кто в свое время оказал мне существенную помощь, другое дело — играть с властью.

— Только и слышу, как вам кто-то помогает из сильных мира сего, — когда-то Горбачев, теперь Путин...

— Повторяю, я политикой не занимаюсь, я — наемник, но имею возможность выбирать, в какие джунгли меня сбрасывают.

— Примерно так, как вы сбросили движение «Наши»?

— Проект «Наши» я в свое время подарил Суркову — когда мы

со Славой дружили. «Наши» были хороши, пока это была протестная, хулиганская, пиратская, оппозиционная, яростная уличная вещь, а потом это стал оказанный вариант.

— Александр Глебович, раньше вы определяли «наш» или «не наш» в зависимости от отношения к Советскому Союзу. А кто сейчас для вас «наш» и «не наш»?

— Это для меня не актуально.

— А я думала, что вы всех делите в зависимости от позиции по Крыму, по Украине...

— Украина, скажем так, — вопрос наличия ума и понимания последствий. Есть вещи, за которые не имеет смысла платить так дорого и которые придется слишком долго расхлебывать. Тут просто невыгодная ситуация...